

ЯКУТСКИЕ ЧОРОНЫ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ*

Чороны – деревянные сосуды для кумыса – интереснейшие произведения якутского народного творчества. Своими очертаниями они напоминают вазы в форме эллипсоида, сферы или клявоида (перевернутый конус) с широким плавно изогнутым венчиком и основанием в виде высокого конусообразного поддона или трех тонких ножек. Внешняя поверхность чоронов обычно богато украшена резными узорами. Орнаментом служат геометрические (вертикальные штрихи, зигзаги, косые кресты, “S”-видные фигуры, прямоугольники, ромбы, кружки, “решетки”, дуги), растительные (трилистник, “елочка”) элементы и их сочетания, сгруппированные в чередующиеся пояса. Формы этих сосудов, согласно выводам этнографов, окончательно устоялись в XVII–XVIII вв. (рис. 1)¹.

Чороны давно привлекают внимание исследователей, однако до сих пор проблема их появления далека от решения. Среди наиболее известных гипотез особо примечательными представляются две. Первая была высказана А.П. Окладниковым. Согласно ей, чороны “возникли в результате своеобразного скрещения местных форм круглодонных сосудов, покрытых зональным орнаментом из выпуклых валиков, и заимствованной формы скифского котла с его высоким коническим поддоном”. Этот процесс можно образно воспроизвести, будто “к древнему круглодонному сосуду, сохранившему старую композицию узора, только лишь добавили коническое, как у скифского котла, днище”². Вторую гипотезу выдвинул И.А. Потапов. Исследователь предположил, что чороны формировались двумя путями. Первое направление, как показал А.П. Окладников, было связано с процессом слияния форм керамической посуды, применявшейся таежными племенами и металлических котлов кочевников. Второй путь шел параллельно, но отличался в деталях. По мнению И.А. Потапова, “скифские” котлы послужили прототипом не самим чоронам, а лишь деревянным котлообразным кубкам на конической подставке-ножке. Кубки же явились настоящими родоначальниками нового типа посуды. Их полусферическая форма была механически соединена с конусовидными очертаниями деревянных или берестяных кумысных сосудов, что и привело к появлению чоронов. Подтверждение такого слияния И.А. Потапов видел не только в самом облике чоронов, но и в наличии соединительного декоративного валика на ранних экземплярах³.

Точка зрения о происхождении чоронов от “скифских” котлов нашла широкую поддержку в этнографической и археологической литературе⁴. Однако ряд наблюдений заставляет усомниться в этом.

Не вызывает сомнений, что чороны по внешнему виду и характеру декора близки керамическим, берестяным и деревянным сосудам самих якутов и некоторых других сибирских народов. Это служит определенным указанием на генетическую связь чоронов с более простыми архаичными типами местной посуды. Вместе с тем наличие высокого поддона позволяет формально сопоставлять их с бронзовыми котлами, бытовавшими среди степного и лесостепного населения Евразии в скифское, гунно-сарматское и древнетюркское время. Но котлы обычно снабжались вертикальными, редко горизонтальными, ручками-скобами или кольцами, которые никогда не встречались на чоронах. К тому же “скифские” котлы, напоминавшие полусферу или горизонтальный эллипсоид, не имели венчиков, что по форме отличает их от чоронов. Также и орнаментика обоих типов сосудов принципиально различна. Кот-

* Автор благодарит своих оппонентов – Е.Г. Федорову, Е.Г. Цареву и Д.Г. Савинова за консультации и советы, а также выражает признательность А.В. Курбанову за оказанную помощь.



Рис. 1. Чорон. Дерево. Якутия. (Потанов И.А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972. Рис. 10.)

лы, как правило, украшались одним, двумя или тремя валиками, “веревочкой” или “зигзагом”, иногда с добавлением крупных дуг, ромбов, треугольников, выпуклых точек, а в единичных случаях – букраниев или пальметок⁵. Столь явные несоответствия заставляют исключить котлы скифо-сибирского мира из прототипов чоронов.

Необходимо отметить, что некоторая связь между сосудами все-таки существует: можно уловить ряд признаков, сближающих чороны с хунно-гуннскими котлами; котлы кочевников, датируемые II–V вв. н.э., имели цилиндрическое тулово с венчиком, что в какой-то степени напоминает отдельные чороны; в декоре тех и других встречаются сходные геометрические узоры⁶. И все же наличие ручек вновь мешает видеть в этих предметах непосредственный исходный образец чоронов.

Поиску сосудов, послуживших прототипом, может помочь предположение, высказанное Л.Н. Ермоленко, согласно которому древние тюрки творчески переработали образ “скифского” котла, получив кубок на высокой конусовидной ножке⁷. Незначительные размеры некоторых котлов ранних кочевников убеждают в возможности такого превращения⁸. Впрочем, нельзя исключить и иной путь проникновения в кочевническую среду кубкообразных сосудов: древние земледельцы островов и побережья Средиземного моря, Ближнего Востока, Средней Азии, Афганистана в эпохи неолита и бронзы изготавливали чаши на конусовидных ножках⁹. От них посуда подобных форм могла проникнуть к степнякам, на что указывают находки из могильников со смешанными земледельческими и скотоводческими традициями, таких как Северный Тагискен в Приаралье (X–VIII вв. до н.э.)¹⁰. Правда, в скифское время кубки на ножках не завоевали популярности среди скотоводов. Скорее всего, широкое распространение подобных сосудов в степном мире произошло в более поздний период – II–I вв. до н.э., когда у среднеазиатских кочевников стало обычной практикой помещение импортных кубков в погребениях¹¹. По-видимому, включение новой формы в набор кочевнической посуды было отчасти подготовлено тем, что скифо-сибирские племена использовали уменьшенные копии котлов на поддонах без ручек¹².

Связь чоронов с кубками подтверждается внешним видом одного из наиболее ранних экземпляров. Чорон, происходящий из погребения Чаган Этюка и датируемый XVII в., имел клявовидное тулово, слабовыраженный направленный внутрь сосуда венчик и высокий поддон с широким основанием. Его размеры составляли: высота 11 см, диаметр устья 6,5 см, диаметр основания 4,5 см.¹³ Предметы, близкие очертаниями чорону из Чаган Этюка, изготовленные из золота, серебра, стекла, а также глины, бытовали в среде кочевников на широкой территории от Китая до По-



Рис. 2. Кубок. Стекло. Южный Урал. V–VII вв. н.э.
(Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 13, ⁴⁶.)



Рис. 3. Изваяние. Сланец. Алтай. VI–VIII вв. н.э.
(Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. Табл. XXVI, ¹⁵⁸.)

дунавья в VI–XIV вв. н.э. (рис. 2)¹⁴. Они же изображались на древнетюркских изваяниях¹⁵. Как показывает стилистический анализ, ранние кубки демонстрируют слияние византийского и тюркско-согдийского искусства, а поздние экземпляры представляют образцы работы золотоордынских мастеров¹⁶. Многие из них не только по облику, но и размерами сближаются с сосудом из Чаган Этюка.

По-видимому, именно эти предметы явились отправной точкой на пути формирования чоронов, что отмечал В.Д. Кубарев и возможно подразумевал И.А. Потапов. В.Д. Кубарев особо подчеркивал, что для чоронов “прототипами..., несомненно, послужили средневековые кубки”¹⁷.

Изучение древнетюркских изваяний позволяет выдвинуть предположение, что процесс формирования чоронов не был растянут во времени, а проходил сравнительно быстро. Уже в ранний период тюркской истории на одном из алтайских памятников фиксируется изображение сосуда, по форме практически неотличимого от эллипсоидного чорона (рис. 3)¹⁸.

Тесные контакты и близкие связи предков якутов с политическими объединениями кочевников, очевидно, подтолкнули их к копированию парадной посуды на высоких поддонах, правда, в более привычном и доступном материале – дереве. Однако в якутской среде из всего многообразия древнетюркских культовых сосудов были вы-

браны для подражания только два типа – кубки со слабовыраженным венчиком (чорон из Чаган Этюка) и сосуды с раструбовидным устьем (“классический” чорон). Чороны, как и их прототипы, стали использоваться в ритуально-обрядовой практике и приобрели сакральную функцию. Косвенным подтверждением родства чоронов с кубками служит их неординарность, престижность в якутской культуре. Согласно свидетельствам путешественников, у якутов в начале XVIII в. насчитывалось сравнительно небольшое число чоронов, и принадлежали они лицам, имевшим наивысший социальный статус¹⁹. Традиционное использование чоронов при проведении ритуальных празднеств, когда их пускали вкруговую и осушали до дна, также достаточно близко применению кубков. Именно эта роль позволила А.Ф. Миддендорфу сравнить чороны с “древними рогами для питья”²⁰.

Что касается орнаментации, то здесь, очевидно, возобладала местная традиция, и новые сосуды стали украшаться аналогично реликтовым культовым образцам простых форм, изготовленным из бересты и выдолбленным из дерева²¹.

Чороны, отличавшиеся значительными размерами, по всей видимости, начали изготавливаться благодаря изменению характера обрядовой практики, ее демократизации, вовлечению в отправление культа большого количества людей, когда от кругового сосуда стал требоваться большой объем. Эта тенденция в якутской ритуальной жизни проявилась в конце XVIII – начале XIX в.²² Вероятно, тогда же чороны начали приобретать более вытянутые очертания, так как небольшой в основании конический поддон, служивший ручкой, при увеличении объема сосуда потребовал удлинения его верхней части.

Другой вид чоронов, относящийся к XVIII в.,²³ отличается тремя ножками вместо поддона. Его можно выделить в отдельный вариант посуды для кумыса. Чороны на ножках и на поддонах объединяет лишь материал и назначение, остальные характеристики у них, как правило, различны. Сосуды с ножками имеют небольшие размеры, по форме они близки к сфере, полусфере или горизонтальному эллипсоиду с низким венчиком. Воронки и емкости якутских черпаков внешне напоминают именно такие чороны.

Ножки бывают разных типов: дуговидные, выгнутые, как вверх, так и вниз, прямые с зауженными окончаниями, а также стилизованные в форме лошадиных ног, изредка украшенные дополнительными скульптурными изображениями конских голов. Если представить эти чороны без ножек, то они более всего походят на приземистые глиняные горшки. Родство их с керамическими образцами выявляется не только сходством форм, но, возможно, и процессом изготовления. У некоторых старинных чоронов ножки вырезаны не вместе с туловом из одного древесного спила, как обычно, а отдельно, и вставлены в отверстия в дне²⁴.

В XVIII в. якуты изготавливали керамические сосуды на трех ножках. Они значительно ниже чоронов и менее сложно орнаментированы, причем узор обычно наносился на верхнюю часть тулова и венчик (пояса из штампованных четырехугольников с вогнутыми сторонами, прямоугольников с сетчатой штриховкой, кругов с двумя перекрещенными диаметрами, полумесяцев)²⁵.

По аналогии с гипотезой “механического соединения” И.А. Потапова можно предположить, что ножки у сосудов возникли в результате слияния форм двух различных предметов – сосуда и тагана, известного в якутской среде²⁶. Но такое заключение выглядит слишком умозрительным. К тому же у многих народов с неолита и бронзового века существовали керамические, металлические триподы и трех-четырехногие сосуды (иногда ножки представляли конечности животных)²⁷. По-видимому, эта посуда была принадлежностью анималистических культов, изначально символизируя собой жертвенное животное. Возникнув у оседлого земледельческого населения, она в раннем железном веке распространилась среди кочевников. В азиатской части материка подобные предметы были характерны для Китая, откуда проникли в Восточную Монголию и Забайкалье, где, как указывала Э.А. Новгородова, “эти оригинальные по форме сосуды стали одной из типичных черт культуры

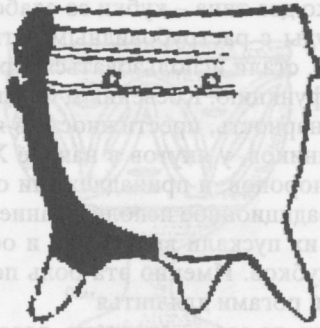


Рис. 4. Трипод. Керамика. Монголия. Конец II тыс. до н.э.

(Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. Рис. 5 на с. 246)

плиточных могил²⁸. Вытесненные хуннами в конце I тыс. до н.э. в Прибайкалье представители культуры плиточных могил включились в этногенез тюркоязычных курыкан, которые в свою очередь оказали непосредственное влияние на сложение якутского этноса²⁹. Не исключено, что таким путем образцы трехногой посуды проникли к якутам. Наверное, поэтому некоторые типы керамических триподов из Монголии по очертаниям напоминают якутские сосуды (рис. 4)³⁰. Вероятность такого продвижения отчасти доказывает существование аналогичных предметов у тувинцев. По воспоминаниям стариков, в Туве приблизительно до конца XIX в. бытовали деревянные сосуды для кумыса и араки (молочная водка) на трех ножках³¹. К сожалению, до сих пор вещественных подтверждений не обнаружено. Однако на скалах Ортаа-Саргола были найдены изображения этой тувинской посуды³². Судя по наскальным рисункам, она по форме и орнаментации напоминала ранние трехногие чороны. Тувинцы, как и якуты, могли получить такие сосуды от населения Монголии и Забайкалья³³. Правда, значительный промежуток времени, разделяющий монголо-забайкальские триподы и архаичные якутские и тувинские сосуды, не позволяет окончательно принять данную версию до появления новых материалов.

Как уже отмечалось, среди трехногих чоронов встречаются экземпляры со стилизованными лошадиными ногами. Изготовление их якутами шло параллельно с производством круглых деревянных столов на сходных ножках³⁴. Здесь, по всей видимости, отразился единый культурный процесс.

В V—III вв. до н.э. в кочевническом мире фиксируется сходное явление. Благодаря археологическим раскопкам в Семиречье известно несколько бронзовых прямоугольных “алтарей” (столы, подносы?), ножки которых заканчивались копытами, и полусферический котел, покоившийся на протомах горных баранов с опущенными ногами³⁵. На Алтае было найдено деревянное блюдо, имевшее четыре бронзовые приставные ножки с лошадиными копытами³⁶. Позднее на рубеже н.э. в Сынцзяне также появляются столы-подносы из дерева с тремя-четырьмя ножками, некоторые из них отдаленно напоминали конечности копытного животного³⁷.

Следует отметить, что этнографы склонны относить любую посуду азиатских скотоводов типа низких столов или подносов на ножках к продолжению традиций скифо-сибирских культур³⁸. С этим можно согласиться только относительно предметов на гладких ножках, но возводить чороны со стилизованными лошадиными ногами к скифо-сибирскому миру явно преждевременно. До сих пор не известны промежуточные формы у степного и лесостепного населения гуннской и древнетюркской эпохи. Нельзя безоговорочно отвергнуть и мнение о самостоятельном изобретении якутами столь оригинальных предметов³⁹. Такое предположение находит косвенное подтверждение в отсутствии аналогичных вещей у других сибирских и центральноазиатских тюркоязычных народов, например, тувинцев. Сосуды с ножками, выполненные наподобие

ног лошади, могли появиться в связи с культом коня, чрезвычайно развитым у якутов. Сам культ якуты, очевидно, получили от хуннов или древних тюрков, поскольку именно в хуннском и древнетюркском искусстве, в отличие от скифской традиции, отмечается преувеличенный интерес к образу этого животного (в одомашненном варианте)⁴⁰. Сакрализация коня отразилась не только в якутском фольклоре и обрядово-ритуальной практике, но и в прикладном искусстве: изображалась вся фигура животного или части его тела (эти сюжеты помещались на посуде, мебели, конском снаряжении, предметах домашнего обихода, женских украшениях, монументальных памятниках – коновязях).

Таким образом, рассмотрев один из типов кумысной посуды якутов – чороны, можно высказать ряд предположений о его происхождении. Чороны, имеющие высокие поддоны, скорее всего, возникли как деревянная имитация драгоценных кубков на ножках, распространенных у кочевников тюркской и ордынской эпохи. Появление образцов посуды на трех ножках представляется отголоском триподов и их модификаций, широко известных со времени неолита и бронзового века в Китае, Монголии и Забайкалье. Вариант этой группы – чороны на стилизованных лошадиных ногах, возможно, является или продолжением скифо-сибирской традиции, или самостоятельным якутским изобретением, созданным на базе древних трехногих сосудов.

Примечания

¹ *Потапов И.А.* Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972. С. 54.

² История Якутии. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Т. I. Якутск, 1949. С. 227–228.

³ *Потапов И.А.* Указ. соч. С. 61–63.

⁴ Народное искусство Якутии. Автор-составитель М.В. Хабарова. Л., 1981. С. 10; *Гоголев А.И.* Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 144; *Ермоленко Л.Н.* О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддоне) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; Москва, 1998. С. 110–111.

⁵ *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 26. Рис. 21; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 46 2; 68 25, 43, 61; 88 2; *Боковенко Н.А.* Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991. С. 256–257, 261. Рис. 34; Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 27 45; 89 15–18; 101 11; 120 28–29.

⁶ Для сравнения – *Потапов И.А.* Указ. соч. Рис. 16, 19; *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв). СПб., 1994. Рис. 23. С.В. Иванов убедительно выводит арочный элемент якутского орнамента из хуннского искусства: *Иванов С.В.* К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов // Якутия и ее соседи в древности (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1975. С. 180–183.

⁷ *Ермоленко Л.Н.* Указ. соч. С. 110.

⁸ Степи Европейской части СССР ... Табл. 78-2, 3.

⁹ *Mer Egée Grèce des Iles.* Catalogue. Paris, 1979. Cat. № 1, 34, 36; *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. V. IV/3. München, 1980; Троя и Фракия. Каталог выставки. М., 1983. № 57, 68, 70, 210, 251, 296, 558; *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984. Рис. на с. 90, 189.

¹⁰ Степная полоса Азиатской части СССР... Табл. 231.

¹¹ Там же. Табл. 35-31; 65; 40-4, 7, 9, 15, 27, 28.

¹² *Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. Рис. 10.

¹³ *Потапов И.А.* Указ. соч. С. 54. Рис. 6. Ближним соответствием этому чорону служит деревянный сосуд гунно-сарматского времени из Синьцзяна, который по форме приближается к полусфере и снабжен широким плавным изогнутым венчиком: *Samplu in Xinjiang of China // Revaluation and study of Ancient Khotan Civilization.* Riggesberg, 2001. Pl. 159. Однако серьезным препятствием для включения данного сосуда в разряд исходных образцов служит наличие у него сравнительно низкого и широкого основания, неудобного для использования в качестве ручки, как это практиковалось с поддонами чоронов.

¹⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. Илл. 129, 130, 136, 137; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 13 46; 62 87, 125, 73 17; 74 5, 56; Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997. Рис. 5–20; Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. Рис. 18. Каталог. Рис. 7, 8, 42–45, 56, 70; Дайм Ф. История и археология авар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. IX. Табл. 7 4, 42-2.

¹⁵ Евтохова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 24. Рис. 4, 45-3, 46-1, 2, 47-1, 63-VIII; Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. Рис. 77, 79 табл. II-43, 44; Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. Е4-2. М., 1974. Рис. 23-9, 10, табл. 4–12, 57–10, 78; Степи Евразии... Рис. 22-3, 4, 10, 23-2; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. Рис. 4-5, 5-5, 6-5, табл. II-11, XXVIII-177. И.В. Константинов указывал на связь между чоронами и кубками, изображенными на древнетюркских изваяниях: Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культура // Якутия и ее соседи в древности (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1975. С. 131.

¹⁶ Маршак Б.И. Иранские серебряные и золотые сосуды и вещи тюркско-согдийского круга // Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997. С. 53; Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 177–178.

¹⁷ Потапов И.А. Указ. соч. С. 61; Кубарев В.Д. Указ. соч. С. 36.

¹⁸ Кубарев В.Д. Указ. соч. Табл. XXVI-58.

¹⁹ Потапов И.А. Указ. соч. С. 70.

²⁰ Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Т. II. СПб., 1869. С. 788.

²¹ Потапов И.А. Указ. соч. С. 60–66. Рис. 14, 15.

²² Там же. С. 71–74.

²³ Там же. С. 63.

²⁴ Там же. С. 79.

²⁵ Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. № XVI. Л., 1955. С. 156–157. Рис. 20, 22.

²⁶ Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. I. СПб., 1896. Рис. 73; Троцанский В.Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911. С. 31; Прыткова Н.Ф. Указ. соч. С. 158. Рис. 25.

²⁷ История Якутии... Табл. XXVI-3; Ghirshman R. The Arts of Ancient Iran. From its Origins to the of Alexander the Great. N.Y., 1964. Chapter III. III. 539; Mer Egée Grèce des Iles... Cat. № 30; Müller-Karpe H. Op. cit.; Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. М., 1974. № 3, 91; Троя и Фракия... Каталог. № 21, 39, 42–45; Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. Рис. на с. 246; Чжан Яцзин. Керамика завершающих этапов неолита провинции Шаньдун // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. Рис. 1–8.

²⁸ Новгородова Э.А. Указ. соч. С. 247.

²⁹ История Якутии... С. 314–331; Константинов И.В. Указ. соч. С. 136, 139–140.

³⁰ Новгородова Э.А. Указ. соч. Рис. 5 на с. 246.

³¹ Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. С. 106.

³² Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982. Табл. 34-1.

³³ На тесные связи предков якутов и тувинцев, возможно, указывают китайские письменные источники. См.: История Якутии... С. 315, 322.

³⁴ Потапов И.А. Указ. соч. С. 79.

³⁵ Бернштам А.Н. Указ. соч. Рис. 18-1, 20; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. Илл. 11; Степная полоса Азиатской части СССР... Табл. 27–34.

³⁶ Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. Табл. XLV – 4-7.

³⁷ Samprula in Xinjiang of China... Pl. 139, 141. Упомянутые чороны со скульптурными изображениями конских голов имеют формальные параллели среди сосудов скифо-сарматского времени, тулово или устье которых было украшено лошадиными головами. Это – бронзовый котелок из Пакистана, деревянная чаша с Южного Урала и фрагментированный предмет из Минусинской котловины. См.: Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб., 1993. Рис. 17; Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. Рис. 1-2; Пишечников А.Х. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. Уфа, 2000. Рис. 7. Порой даже ручки скифо-сибирских котлов оформлялись в виде фигуры лошади. См.: Степная полоса Азиатской части СССР... Табл. 88 21.

³⁸ Дьяконова В.П. Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1988. № XLII. С. 58–59.

³⁹ Народное искусство Якутии ... С. 11.

⁴⁰ История Якутии... С. 311; Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 96; Кузнецов Д.В. Изображения лошадей в искусстве хунну (по материалам Забайкалья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Вып. V. Новосибирск, 1999. С. 414; Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 100–102.

V.A. Kisiel'. The Yakutian Chorons and Their Origin

Traditional wooden Yakutian tableware, used for drinking *kumys* (mare's milk), the so called *choron*, is one of the most interesting features of the Yakut culture. Though there exist many works devoted to *chorons*, their origin and prototypes have not been described so far. A hypothesis, comparing Hunnu and ancient Turkic goblets with the group of *chorons* that have conic bottoms is put forward. The origin of other *chorons* with three legs could be traced to ceramic tripods of China, Mongolia, and Transbaikal region of the late bronze epoch. The author claims that Yakut ancestors borrowed both forms of the ancient vessels and used them for manufacturing wooden *chorons*.